

дѣти и ученики, до 15 лѣтъ говорившіе и учившіеся по еврейски въ палестинскихъ школахъ, по окончаніи школы переставали читать еврейскія книги, а затѣмъ мало по малу забывали и еврейскую рѣчь, наполовину или совсѣмъ».

Слишкомъ ужъ густо пущена тутъ черная краска. Дѣти въ палестинскихъ колоніяхъ, за исключеніемъ одной или двухъ, говорятъ въ школѣ и между собою по еврейски, не только учатся, но и играютъ, и спорятся другъ съ другомъ на языкѣ Библии. Это фактъ осязаемый, отрицать его также немыслимо, какъ отрицать влажность дождя. Д-ръ Клаузнеръ его и не оспариваетъ, но заявляетъ, что эти самыя дѣти, проживъ въ атмосферѣ еврейскаго языка до 15 лѣтъ, потомъ мало по малу забываютъ его «наполовину или совсѣмъ». Нужна вся сила нервного безпокойства, которое съ нѣкоторыхъ поръ обурлачило отуманило часть нашего лагеря, чтобы написать такую гиперболическую фразу. Забыть «совсѣмъ» языкъ, который до 15-ти лѣтъ былъ твоимъ роднымъ языкомъ,—это невозможно даже на необитаемомъ островѣ; забыть его «наполовину»—это бываетъ только въ томъ случаѣ, когда субъекта на десятки лѣтъ изолировали отъ малѣйшаго соприкосновенія съ забываемымъ языкомъ. Въ Палестинѣ, да еще въ колоніяхъ, такую изоляцію даже нарочно нельзя провести. «Гацевы» распространяется по всѣмъ колоніямъ и служитъ главнымъ, а для большинства единственнымъ источникомъ новостей; тотъ самый «Гашилоахъ», гдѣ напечатаны эти грустные слова, тоже расходитя по колоніямъ въ количествѣ прямо поразительномъ, если вспомнить, что это всетаки деревни. Въ школѣ продолжаютъ обучать по еврейски, маленькія дѣти на улицѣ говорятъ по еврейски, и молодой человѣкъ, проходя мимо, слышитъ еврейскую рѣчь. При такихъ условіяхъ и «наполовину забыть» невозможно. Замѣчается совершенно обратное явленіе: положительно трудно найти человѣка, прожившаго осѣдло въ колоніи года три, который не понималъ бы уже несложнаго разговора по еврейски. Это можно утверждать даже отчасти о женщинахъ. Говорить по еврейски такіе новички, понятно, не рѣшаются, но что имъ скажешь, то поймутъ, и при нуждѣ кое-какъ отвѣтятъ съ грѣхомъ пополамъ. Это потому, что въ колоніяхъ Палестины еврейскій языкъ, при всѣхъ пробѣлахъ и прорѣхахъ, всетаки есть фактъ, живой фактъ улицы, и говорить о томъ, будто его послѣ школы забываютъ, можно только съ перенугу, охватившаго насъ въ послѣднее время.

По личнымъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ колоній Верхней и Нижней Галилеи, Самаріи и Яффскаго округа, я позволилъ бы себѣ, наоборотъ, настаивать, что молодежь, прошедшая еврейскую школу, и потомъ совершенно свободно владѣетъ еврейскимъ языкомъ. На мои разпросы молодые люди обоого пола почти всюду давали приблизительно одинъ и тотъ же отвѣтъ: они говорятъ по еврейски со всѣми тѣми, кто одинаково свободно можетъ имъ отвѣчать на этомъ языкѣ, слѣдовательно прежде всего съ маленькими дѣтьми, затѣмъ со сверстниками, и меньше всего, конечно, со старшимъ поколѣніемъ. Что и въ бесѣдѣ съ товарищами по возрасту жаргонъ, по мѣрѣ удаленія отъ школы, начинаетъ играть значительную роль, этого они не отрицали, даже указывали на неизбежность такого явленія; но и тутъ настаивали многіе, что за предѣлы узко-дѣловской сферы жаргонъ у молодежи не распространяется, и при разговорѣ на мало-мальски отвлеченную тему она пользуется исключительно еврейскимъ языкомъ. Не берусь утверждать, что послѣднее замѣчаніе представляетъ абсолютную достовѣрность. Но забыть языкъ—этого не бываетъ и не можетъ быть.

«Рассветъ»

21. VI. 1909

21.06.1909

Schwarzmalerei.

1909
Въ прошломъ номерѣ г. А. Гольдштейнъ процитировалъ изъ майской книжки «Гашилоаха» слѣдующія слова д-ра I. Клаузнера: «Палестинскія школы, къ нашему великому сожалѣнію, также не оправдываютъ тѣхъ большихъ надеждъ, которыя возлагали на нихъ наши націоналисты. Еврейскій языкъ, правда, живетъ въ устахъ учениковъ, но лишь до момента окончанія школы... И родители и учителя неоднократно жаловались предъ нами на то, что изъ

9/12/1909

Палестинѣ ни съ кѣмъ, кто прошелъ еврейскую школу.

Другое дѣло—вопросъ о рецидивѣ жаргона у бывшихъ воспитанниковъ этой школы. Можно не забыть еврейскаго и всетаки привыкнуть къ жаргону: это дѣйствительно замѣчается, и съ этимъ явленіемъ вѣдо серьезно считается. Избѣжать его при нынѣшнихъ условіяхъ невысказано. Старшее поколѣніе, выросшее въ атмосферѣ жаргона, говорить и еще долго будетъ говорить на жаргонѣ; и такъ какъ въ рукахъ этого поколѣнія находится вся дѣловая жизнь—хозяйство, урожай, торговля,—то языкомъ дѣловой сферы является жаргонъ. Малое дитя, попадая въ дѣтскій садъ, черезъ три мѣсяца уже лепечетъ по еврейски, и дальнѣйшій ростъ его совершается на этомъ языкѣ; но родители между собою говорятъ на жаргонѣ, вообще вся «взрослая» жизнь охвачена пока жаргономъ, и по мѣрѣ того, какъ дитя, вырастая, все болѣе соприкасается съ этой сферой, оно привыкаетъ связывать ее съ жаргономъ такъ же естественно, какъ связываетъ школу, книгу, интеллигентность съ еврейскимъ языкомъ. Вотъ почему въ первомъ поколѣніи рецидивъ жаргона неизбеженъ. Большинство учителей, съ которыми пришлось объ этомъ бесѣдовать, высказывали мнѣніе, которое, насколько знаю, подтверждается и опытами другихъ странъ, гдѣ пробовали систематически насаждать новый языкъ посредствомъ школы: настоящая гебраизація можетъ начаться только со второго поколѣнія. Сегодняшнія дѣти гебраизируютъ только дѣтскую, потому что родители, при всемъ желаніи, не въ состояніи говорить съ ними по еврейски. Но уже дѣти этихъ дѣтей, если не будетъ внѣшней помѣхи, легко гебраизируютъ весь домъ, всю семейную сферу. Это въ малой степени замѣчается даже теперь: велѣдъ за дѣтьми начинаетъ кое какъ объясняться по еврейски мать, а еще скорѣе прислуга, гдѣ она есть. Безъ всякаго труда завершится этотъ процессъ во второмъ поколѣніи, гдѣ родителямъ придется не учиться языку, а только возобновить нѣсколько ослабѣвшую привычку говорить обо всемъ и всегда по еврейски. Понятно, я здѣсь не учитываю наплыва новыхъ жаргонныхъ элементовъ, неустранимаго при ростѣ колонизаціи: это будетъ вносить осложненія, путаницу, предположительно выплывутъ и въ Палестинѣ жаргонисты черновицкаго типа, и вообще процессъ полного возрожденія давно замолкшаго языка не въ десять и не въ двадцать лѣтъ закончится. Но ходъ его не можетъ быть инымъ, какъ черезъ эти двѣ ступени: дѣти переселенцевъ будутъ гебраизированы лишь на половину; только внуки переселенца, родившіеся отъ мѣстныхъ уроженцевъ, поддадутся полной гебраизаціи. Горевать, отчего нѣтъ ей теперь,—это все равно, что ходить въ январѣ по малину.

Впрочемъ, «Гашилоаха» у меня подъ руками нѣтъ, всей статьи д-ра Клаузнера я не читалъ и считаю себя не вправѣ примѣнить къ нему слово, поставленное въ заглавіи этой статьи. Но вообще Schwarzschilderіеі самаго прискорбнаго типа у насъ теперь въ большой модѣ, и не только по школьному вопросу, а во всемъ. Палестина, молъ, уходитъ отъ насъ къ итальянцамъ и нѣмцамъ съ быстротой американскаго поѣзда—по сту километровъ въ часъ; торопитесь, спѣшите, спасайся кто можетъ, измѣна, караулъ; если мы пропустимъ еще минуточку, еще недѣлю, еще годъ, то все погибло. Это и, къ особенному сожалѣнію, еще многое другое изображено, напримеръ, въ одной изъ послѣднихъ статей г. Э. Рабиновича, въ газетѣ «Геедъ-Газманъ». Многихъ статья эта возмутила; по моему, она скорѣе можетъ огорчить, потому что въ ней слышится неподдѣльная мольба, симптоматическая для нашего избраннаго негодъ

племени и всѣхъ его дѣлъ. Въ основѣ этой припадочности несомнѣнно лежитъ крупное зерно правды: у насъ многое хромаетъ, и слѣдовало бы гораздо энергичнѣе лечить наши недуги, чѣмъ мы это дѣлаемъ; и моментъ въ Палестинѣ безспорно очень серьезный, и нельзя никому отказать въ правѣ тревожиться, волноваться и критиковать наше кункаторство. Но когда все это рисуютъ въ видѣ чехарды, гдѣ надо вотъ именно сейчасъ и вотъ обязательно черезъ это мѣсто перепрыгнуть, иначе кануть, то остается спокойно сказать: все это совершенные пустяки съ перваго слова до послѣдняго, историческій моментъ не измѣряется по секундной стрѣлкѣ, особенно когда самого мѣряльщика трясетъ лихорадка, а черно-маларное искусство меньше всего похоже на критику, что намъ дѣйствительно необходима.

Вл. Жаботинскій.

9/12/1909